Плоть горела, а кровь кипела, когда Шей с гримасой смотрела на вызванную ею молнию. Словно маленькое тело Тырканзяки превратилось в громоотвод; энергия темного облака текла через нее в землю, создавая впечатление, будто она тренируется под водопадом.

Но водопад не мог сравниться с болью, которую она должна была чувствовать. Этот поток молнии пронзил все ее тело, а не только кожу. Ее кровеносные сосуды, мускулы, плоть, кровь и нервы. Электрический разряд бешено несся сквозь все это, как если бы это был прямой путь.

Вас проткнули десятками тысяч иголок? Даже это не могло сравниться. Потому что одиночный разряд молнии был быстрее, мельче и мощнее иглы.

— Кричи, если больно! Если ты и дальше будешь терпеть!..

Даже Тырканзяка, привыкшая к страданиям, не сможет продержаться долго. Вот что чувствовала Шей, когда сжимала Чун-энг, готовясь прервать свою магию в любой момент.

Но...

— Действительно, я чувствую боль.

Тырканзяка была невозмутима. Ее плоть горела, а нервы были обожжены, когда огромная сила молнии от Чун-энга прошла через нее в землю.

— Но не более того.

Молния не могла повредить вампиру. Ее искусство крови, способность управлять кровью, уже достигло вершины. Она превзошла точку простого движения крови; она могла бы использовать его, чтобы заново регенерировать свое тело. Пока кровь была в пределах досягаемости, пока оставалась хоть капля, никто не мог причинить ей вреда.

И Кровавый Океан, скопившийся в ней, был не настолько тривиален, чтобы на него повлияла простая молния, рожденная из кусочка облака.

Удар молнии закончился, и остались только остатки, спорадические искры. Но Тырканзака осталась невредима. У нее не было шрама в виде молнии, как должно было быть, не было вонючего жареного мяса и не было обугленной крови.

Тырканзяка предотвратила все это, до того как это могло случиться.

— Конечно, она мощнее. Но чего-то не хватает.

Она хладнокровно оценила молнию, прошедшую через нее, как если бы она была сомелье.

— Она не достигает моей груди, моего сердца. Я чувствую лишь легкую боль.

Ее голос был полон разочарования, от чего Шей стало как-то не по себе. Было ли это потому, что Прародительница выдержала удар молнии?

Нет, это было не так. Шей изначально не напрягала всю свою мощь, а Тырканзяка не защищалась. Ее дискомфорт исходил откуда-то еще.

Вампир говорила так, как будто в нее раньше ударила молния, как будто она сравнивала это. Шей почувствовала, что что-то не так в ее тоне.

— ... Этот человек что-то сделал с тобой раньше?

— Этот человек? Ах, ты говоришь о надзирателе.

Тырканзяка звучала невероятно нормально для человека, которого ударила молния.

— Если подумать, мы даже не знаем его имени. Я не стала спрашивать, так как нас было мало в бездне, но, полагаю, пора это выяснить...

— Не меняй тему, пожалуйста. Ты тоже просила у него молнии?

— Как остро.

Тырканзяка снова собрала тьму в зонтик, затем легонько положила его себе на плечо, прежде чем ответить.

— Действительно. Я несколько раз просила это.

— Несколько раз?

— Он был искусен и деликатен. Не мощно, но аккуратно. Когда он касался пальцем моего сердца, оно на мгновение начинало снова биться.

— ... Мы же сейчас говорим об ударе током, верно?

Через секунду Шей кое-что поняла из слов Тырканзяки.

— Стоп, что? Твое сердце снова забилося?

— Да. Это было кратко, но это было ясно и безошибочно.

— Как он это сделал?

— Мм. Немного неловко об этом говорить, но я полагаю, что бессмысленно больше прятаться после того, как я столько наговорила.

Тырканзяка перешла к простому изложению того, что произошло. Как она пошла к надзирателю, увидев оживление бессмертного, как попросила, чтобы он ударил ее сердце молнией, а также как после этого снова и снова просила об этом «массаже», потому что хотела почувствовать, как бьется ее сердце на мгновение снова.

Теперь Шей поняла всю историю.

— Тогда то, что вы двое тайно встречались до сих пор, было...

— Я просила его о массаже. Приставала к нему.

— Арх. Это что-то...

Шей схватилась за голову, не зная, с чего начать объяснение.

Даже если она была вампиром, как она могла показать свое сердце кому-то, кто был одновременно алхимиком и магом? Насколько она не замечала опасности? Дошло до того, что Шей могла понять, почему надзиратель говорил про осознание опасности на уроке...

Да и сам надзиратель. Как он мог сделать что-то подобное, даже если это была просьба? Было табу управлять чужим телом с помощью магии.

Впрочем, вроде ничего плохого он еще не сделал. Кроме того, магия нулевого уровня едва ли была включена в табу, и она не думала, что такое могущественное существо, как Тырканзяка,

может быть легко побеждено.

Тем не менее, Шей не могла полностью доверять надзирателю, потому что ужасное событие, которое должно было произойти в будущем, еще не произошло.

— Тырканзяка. Если ты встретишь надзирателя в следующий раз, спроси его об этом.

Вот почему Шей пришлось испытать его. В настоящее время страж Тантала был ближе всех к сердцу Прародительнице. Ей нужно было знать, имел ли он плохие или хорошие намерения.

— Дилемма гомункула. Спроси, знает ли он об этом.

Если он с готовностью даст ответ, Шей подумает, что можно с уверенностью сказать, что у него есть хоть какая-то совесть.

* * *

— ... Ты появилась из ниоткуда хочешь узнать про дилемму гомункула?

— Действительно.

Дилемма гомункула. Это была история, которая была своего рода предупреждением. Почему Регрессор хотела, чтобы я рассказал вампиру, когда она могла сказать это сама?

Либо она переложила задачу на меня из-за неуверенности в интересном рассказывании истории, либо она посылала мне предупреждение.

Хм. Старый я воспринял бы это как предупреждение и затаился, но по какой-то причине я чувствую, что сейчас слегка склоняюсь к первому варианту. В конце концов, эта девушка не умела красиво говорить.

Вот почему важны первые впечатления. Ага.

— Ну, это не очень приятная история. Это как городская легенда, происхождение которой никто даже не знает. Ты все еще хочешь услышать?

— Вряд ли я могу быть разборчивым слушателем.

— Если ты так говоришь. Ну тогда. Я тебе расскажу.

Я швырнул диск Аззи вдаль и начал объяснять.